

О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ НИГИЛИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ РОССИЯН К ПРАВУ И ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Институт прав человека является величайшим достижением цивилизации, формирование которого растянулось на несколько столетий и потребовало усилий не одного поколения философов, юристов и общественных деятелей. Однако одного факта принятия соответствующих документов, провозглашающих права и свободы человека и гражданина, недостаточно для их реализации. Практическое применение потенциальных возможностей, закрепленных в нормативно-правовых документах, обеспечивается не только механизмом правового регулирования, но и, прежде всего, общим уровнем развития правового сознания и правовой культуры населения. В то же время национальной особенностью россиян является нигилистическое отношение к законам своей страны и неуважение к правам человека.

Правовой нигилизм возникает в случае, когда субъект правосознания не находит реального воплощения своего видения и понимания права¹. Эта культурно-историческая особенность правового мышления нации сформировалась в результате отрицательной оценки правовой действительности. Негативный оттенок оценивания, рожденный патриархально-вещевой психологией общества, привел к отрицанию правовой жизни государства и породил пренебрежительное отношение к закону, государственным институтам и правам человека. Можно констатировать, что в правосознании общества утвердился традиционно-нравственный стереотип регулирования социальных отношений, входящий в конфликт с государственно-правовыми нормами. Для противостояния правовому нигилизму, инерционно сохраняющемуся и воспроизводимому в социокультурной программе общества, необходимо разобраться в культурно-исторических причинах его появления.

Самые разные мыслители сходятся во мнении, что российское общество терзаемо глубинным внутренним культурным расколом, пронизывающим все или почти все его сферы. История России – история расколов, нравственных противоречий, принимавших различные формы: территориальную (город – село), поведенческую (ночная – дневная культуры), церковную (никониане – старообрядцы), философскую (славянофилы – западники), политическую (власть – народ, центр –

¹ См.: Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания// Правоведение. 2000. № 2. С. 27.

периферия) и мн. др. Конечно, расколы присутствуют в любом обществе. Конфликты, рожденные ими, становятся пусковым механизмом социальных изменений. Однако в случае, когда конфликтная ситуация не разрешается, происходит постоянный возврат к исходным условиям, рождающим ее заново. Следствием перманентных расколов становится то, что подданные, граждане перестают проявлять повседневную социальную активность, в сознании и поведении народа утверждается исторический пессимизм и правовой нигилизм.

Однако правовой нигилизм, маргинальность и низкая степень социальной активности не являлись изначальными характеристиками славянского общества – исходной основы российского социума. К моменту становления государств-княжеств политическое устройство славянских племен характеризовалось высоким уровнем общественного сознания¹. Но с некоторых пор российский менталитет стал сочетать в себе такие крайности, как отрицание всякой, в том числе и демократически установленной власти, так и этатистскую ориентацию на нее как на единственно подлинную, а потому вездесущую и всесильную реальность². Появление этих полюсных тенденций в социокультурной программе общества можно объяснить только несоответствиями, вклинившимися между исторически сложившимися традициями славянского общества и нововведениями, вызванными необходимостью политического и экономического развития.

Становление государственности на Руси изначально предполагалось как способ укрепления внешних границ, консолидации земель, представительства региона во внешнеполитической деятельности. Князя рассматривали как внешняя сила, не вмешивающаяся во внутренние дела общины. Однако интеграция политических сил (княжеской власти и патриархальной элиты, использующих государство в качестве источника приращения собственности, а не инструмента социального компромисса) предопределила столкновение интересов государственной власти и общественной (традиционно-патриархальной), что привело к двойственности отношений общества и государства. С одной стороны, государство рационально расценивалось обществом как необходимость, с другой, эмоционально не принималось и вызывало внутреннее отторжение.

Корень обсуждаемой проблемы, по нашему мнению, заключается в силе традиционных ценностей, нравственных идеалов, и несоответствии им устанавливаемых государством правил и норм. Государственная власть и ее институты в России всегда была нравственно слабее, чем общественные, точнее, общинные. Привычный для России

¹ См., напр.: Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб. 1997; Петро Н.Н. Взлет демократии: Новгородская модель ускоренных социальных изменений. М., 2004.

² См., напр.: Байниряров Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2. С. 38.

авторитаризм в своих крайних формах тоже есть проявление именно нравственной и вытекающей из нее, в конечном счете, всякой другой слабости государства, а не силы. Он рожден неумением, точнее, неспособностью институтов государственной власти установить с обществом и в обществе отношения, отличные от внешне насильственных. Авторитарность (без авторитетности) является показателем несоответствия культурной программы, свойственной обществу, и политики, проводимой государственной властью. Из-за этого несоответствия государственная власть в России в позитивном, созидательном смысле всегда была слаба, она могла опереться только на грубую силу, скорее разрушающую, нежели созидающую.

Специфика ситуации заключается в том, что изначально княжеская власть рассматривалась обществом только в качестве исполнительной. Верховная, законотворческая функция должна была остаться за вечем. Поэтому в культурной памяти народа монархи, а впоследствии и органы власти являлись узурпаторами. Попытка государства выдвинуть традиционные взгляды и ценности насильственными методами привела к обратному результату к их укоренению в сознании народа и усилению инерции в отношении государственной политики. Не сумев уничтожить культурные особенности общинных отношений, государство сделало попытку встроить общинные институты в государственную структуру, что только способствовало консервации традиционных ценностей. Таким образом, либерально-инновационный институт прав человека не вписался в законсервированный традиционализм, воспроизводящийся социумом в течение нескольких веков.

Догосударственная форма общежития сохранила в России силу, в том числе и, прежде всего – нравственную. Этой форме присущ *локальный* характер общественных отношений, который оказал существенное влияние на развитие самой государственности. Локализм – форма общественного бытия, характеризующаяся относительно малым количеством членов социальной группы и специфическими общественными регуляторами. Отличительными чертами локального общества – общины – являются:

- непосредственная психологическая связь между субъектами;
- приоритет структуры над функцией, а абсолютного над изменяемым (традиционализм);
- синкретическое (целостное, пра-логическое по Л. Леви-Брюлю) мировосприятие, обеспечивающее полное единение индивида с группой;
- закрытый характер общины, являющейся хозяйственной единицей и субъектом социальных отношений;
- вечевой институт регулирования межродовых отношений.

Определяющим фактором развития социально-правовых отношений в России являлся и является перенос культурных традиций локального общества на почву централизованного государственного управления. Чтобы реализовывать свои функции, государству пришлось имитировать

порядок, исторически сложившийся в локальных социальных мирах, с неизбежными интерпретационными поправками. Достаточная степень самостоятельности не местах от государственной власти привело к гиперболизации неформального способа разрешения конфликтов.

Многие особенности взаимодействия современного российского общества и государства формировались под воздействием локалистских традиций. Такие проблемы, например, как коррупция и взяточничество, имеют корни в традиционной культуре. Непосредственный личный контакт, устанавливающийся в результате дачи «подарка», является не только залогом успешного разрешения дела и основой уверенности, но и ощущением своей сопричастности к деятельности. Социум (не без помощи формирующегося государства) экстраполировал ценности и идеалы патриархальной семьи на зарождающееся большое общество. Общество не потому не признавало прав человека в их европейской либеральной интерпретации, что тяготилось обязательственной стороной правореализационного процесса, а потому что видело свои права и обязанности по-другому, через призму локального традиционализма.

Экстраполяция стереотипов общественных отношений локального мира на государственность привела к сопоставлению всякого рода отношений по вертикали с семейными (князь – батюшка, народ – дите), причем народ действительно приобрел черты ребенка, проявившиеся, в том числе, в склонности к безответственности и неосознаваемой жестокости. Как показала история, самовосприятие, подразумевающее снятие народом с себя ответственности за принятие решений, легло в основу народной пассивности, и, как следствие, этатизма, исключаящего функционирование института прав человека. Наиболее ярко это проявилось в 1861 г., когда отмена крепостничества не встретила отклика в сознании народа.

Причинами консервирования локальных ценностей в российском обществе стали, в первую очередь, особенности государственного регулирования, проистекающие из приспособляющихся действий государства. Оно осуществляло свои функции не столько в отношении подданных, сколько в отношении вначале рода, после корпоративных объединений (посадских, крестьянских, казачьих общин; купеческих сотен). Изначально ответственность перед князем держала не отдельная личность, а город, плативший дань и выступавший субъектом правоотношений. Такой сугубо корпоративный характер российского общества, породил дублированную систему ценностей – общинную и государственную, противостоящие друг другу. Внутреннее регулирование «мира» осуществлялось нормами обычного права, являющимися по существу нравственным императивом по отношению к позитивному государственному праву. Произошел разрыв правосознания народа и права, не оформился главный принцип организации государственного управления, так обозначенный И.А. Ильиным: «Строительство права не значит придумывать новый закон и подавлять

беспорядки; но значит воспитывать верное и все крепнущее правосознание»¹. Государственно-индивидуальные отношения характерные для западной цивилизации были сметены государственно-общественными, традиционными для восточных стран.

О.Н. Мигущенко также считает, что развитие правосознания российского народа происходило под влиянием противоречий между индивидуальным и общественным способами организации жизни и присущими им ценностями². Право не стало зеркалом действительных общественных отношений и не приняло функцию их воспроизводства, породив самостоятельное социокультурное (законодательно-правовое) пространство. В то время как правом, по словам Б.А. Кистяковского, является всякое народное убеждение о должном в правовом отношении³ (обеспечиваемое, конечно, государством).

Определенное влияние на процесс формирования общественного отношения к праву оказало и православие. Авторитарное «насаждение» религии привело к ее противостоянию архаично-языческой нравственной культуре, что стало значимым фактором в процессе укоренения традиционализма и имитационного поведения в религиозной сфере. «В наших летописях принятие христианства выставляется как бы без борьбы; кажется, будто Русь, омывшись в купели крещения, тотчас забыла свой прежний языческий мир со всеми творениями его вымысла. Не совсем так было на самом деле»⁴. До сих пор многие верования и традиции того времени сохранились в культуре русского народа. Результатом внешней, внутренне отторгаемой деятельности явилась деформации духовности и ментальности народа. «Несмотря на глубоконравственное значение, какое вообще придавали строгому подчинению церкви, русское благочестие основывалось больше на внимании к внешним обрядам, чем на внутреннем религиозном чувстве»⁵. Поэтому «в некоторых семьях (крестьянских) поощрялось воровство, а во многих – своровать, стащить у кого-то другого, чтобы съесть, проступком вообще не считалось»⁶.

Необходимо учесть, что новая религия была внедрена в социокультурную программу России из Византийской государственности, и этот процесс не мог не иметь более обширных последствий, чем только религиозные. По словам В.С. Соловьева, «в Византии произошла ликвидация института независимой экспертизы в лице Церкви путем поглощения ее государством. Произошла подмена

¹ Окара А.Н. Правосознание – центральная категория философии права И.А. Ильина // Государство и право. 1999. № 6. С. 85.

² См.: Мигущенко О.Н. Историческое и логическое в понимании правосознания // История государства и права. 2006. № 9. С. 24–26.

³ Цит. по: Юрашевич Н.М. Правосознание и право: общность и различие // Государство и право. 2005. № 7. С. 70.

⁴ Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 238.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ Латышина Д.И. История педагогики: Учеб. пособие. М., 1998. С. 223.

образа Христа личиной Новохудоносора, Ксеркса»¹. Эта традиция обеспечила развитие и укрепление самодержавного пути развития страны и привела к тому, что в сознании народа произошло слияние государственных и церковных регуляторов. Внутреннее неприятие всяких норм, навязываемых государством, определило отторжение религиозных догм. Народное отношение к религии пропиталось государственно-правовым нигилизмом, церковь уже не могла в полной мере исполнять свою функцию по формированию нравственной культуры, платформы для развития правосознания и правовой культуры.

Другим фактором, определившим консервацию локальных ценностей в сознании народа, стал период монголо-татарского нашествия. Значение и степень влияния монголо-татарского ига на Русь – дискуссионный вопрос исторической науки, однако, даже если иго не имело непосредственного влияния на культуру, поскольку к инородному культурному наследию Золотая Орда – само многонациональное и поликультурное государство – относилась корректно, то могло оказать существенное опосредованное влияние. В этот период произошло уменьшение количества городов, являющихся основой зарождения либерализма, и увеличение доли сельских поселений – основы патриархального традиционализма.

Влияние Орды привело к несовпадению социокультурного пространства славянского социума и установленной государственности, расхождению нравственных идеалов народа и ценностных ориентаций политической верхушки. Ведя борьбу за княжеский ярлык, дающийся ханом, князья постепенно перенимали политический опыт, стратегии управления и жизненный уклад, характерный для восточного государства. «Россия органично восприняла систему военно-организующей силы кочевников, жесткое централизованное государство и строгую вертикальную подчиненность институтов власти»². Татаро-монгольская государственная система привила московским князьям умение организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр, предполагающий единоличное правление. Несоответствие социокультурной программы общества и государства определило приоритетное использование насильственно-административных мер в государственном реформировании, что вызывало в народе волну еще большего отторжения.

Таким образом, нигилистическое отношение к праву рождено внутренними исторически обусловленными причинами, несоответствием между существующими правовыми регуляторами и способами организации общественной жизни, установленными правилами жизнедеятельности и исторически сложившимися ценностно-правовыми

¹ Цит. по: Шамшурин В.И. Особенности политической теории в Византии и России // Вестн. Моск. университета. Сер. 12. Политич. науки. 2006. №5. С.6.

² Лукьянова В.А. К вопросу о специфике Российской государственности // Вестн. Моск. университета. Сер. 12. Политич. науки. № 1. 2002. С. 20–21.

ожиданиями членов общества. Неприятие государственно-правовых установок и сила нравственных регуляторов привело к отрицанию устанавливаемых государством правовых норм и провозглашенных прав человека. В российском обществе преобладает идеал нравственной справедливости характерный для патриархально-вечевого периода несовместимый с либеральной правовой культурой. Для нивелирования этих социокультурных особенностей российского общества необходимо системное воздействие на общественное сознание, включающее меры политико-правового характера и развитие правового образования. В предшествующие периоды попытки изменить социокультурную программу общества испытывали влияние ряда факторов, значительно снижающих их эффективность:

- низкий уровень социально-экономического развития, преобладание государственной монополии над частным капиталом, а деревни над городом;

- территориальная протяженность страны при медленном информационном обмене, что создавало возможность для поддержания традиций на местах;

- низкий уровень образованности народа и преобладание стихийной народной педагогики над целенаправленным образованием.

В настоящее время полисистемное воздействие на общественное сознание способно преодолеть локальный традиционализм российского социума.

Е.М. Кропанева

В.С. СОЛОВЬЕВ О ПРАВЕ НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Русские философы сыграли важную роль в формировании идеи права на достойное человеческое существование. Так же как и в Европе, вопросы естественного права волновали отечественных правоведов и философов. Вопросы взаимодействия нравственных исканий отдельной личности и правовых потребностей общества были одними из важнейших тем политико-правовой доктрины многих русских мыслителей.

Особую роль в развитии естественно-правовых идей сыграло течение «социального» или «нового» либерализма в России конца XIX – начала XX вв. Русский социальный либерализм указанного периода оказался способен интегрировать, с одной стороны, заимствованные и критически переработанные западные идеи, прежде всего, западный опыт конституционализма и парламентаризма, а с другой, традиционную национальную идею Русского пути развития. Русский либерализм на этом этапе складывался как своеобразный интеллектуальный тип, примиряющий концепции естественного и позитивного права, а также индивидуализма и социальной ответственности.